

УДК 821(091)

Лайла Рошан
(Караева Лала Яшар кызы)

диссертант Института литературы им. Низами НАНА, Баку, Азербайджан

Гази Бурханеддин и литературная среда XIV века

Аннотация. В представленной статье исследуется личность и творчество выдающегося поэта и государственного деятеля Гази Бурханеддина и литературная среда XIV века, когда жил и творил поэт. Отмечается, что Гази Бурханеддин, обладавший большой эрудицией, прекрасно владел как родным тюркским, таи и арабским и персидским языками и одинаково мастерски писал стихи на этих языках. Исследуются отличительные особенности его «Дивана», поэтические формы и размеры, использованные поэтом. Указываются новаторства Гази Бурханеддина и его вклад в тюркоязычную поэзию.

Ключевые слова: Гази Бурханеддин, литературная среда, «Диван», поэтические формы, газель, рубай, туюк, тюркский язык.

Выдающийся исследователь восточной литературы Элиас Гибб, говоря о западно-тюркских поэтах, отмечает, что большинство из них являлись поэтами мутасаввуфами (мусульманский теософ). Он пишет: «Мы видим, как с начала XV века был заложен новый путь и начало светского, или же, так сказать, полурелигиозного поэтического течения. В качестве первого предводителя в начале этого нового духа мы можем указать Гази Бурханеддина, который в то же время являлся искусным правоведом и отважной личностью».

Прежде, чем говорить о Гази Бурханеддине, Гибб пытается дать краткие сведения о времени, в котором жил и творил поэт.

Востоковед пишет о том, что с начала Монгольского нашествия вплоть до присоединения Баязидом Йылдырымом в Османскую империю западных районов на этих землях царили беспорядки. На больших территориях, начиная с Ангоры, присоединенной Мурадом I, до самых отдаленных границ Азербайджана царили беспорядки туркменских племен, которые вели нескончаемые войны между собой и соседями и не признавали никакой власти, кроме своих племенных предводителей. К концу XIV века в результате этих волнений сложились четыре местных туркменских династий – Каоакоюнлу в Арзуруме, Аккоюнлу - Диярбекире, Зуль-Кадр - Мараше и, наконец, Бани-Рамазан - Адане.

Востоковед, глубоко и с любовью исследуя жизненный путь поэта, его политические, науч-

ные, религиозные и литературные труды, указывает на значительное место, которое он занимает в истории общетюркской мысли. Исследователь раскрыл все тонкости жизненного пути Гази Бурханеддина, для этого он обратился к многочисленным источникам, исследовал все известные сведения и факты, связанные с жизнью поэта. Востоковед, сообщая о детских годах поэта, указывает, что Бурханеддин, потерявший в два года свою мать, рос под контролем довольно строгого отца, который склонил его к изучению наук, и уже в четыре года будущий поэт начал изучать арабский и персидский языки. Ученый считает необходимым отметить, что Гази уже в детские годы свободно читал и декламировал на персидском языке, что один из известных шейхов того времени Али Мисри в качестве вознаграждения надел на будущего поэта ремень. В двенадцать лет Бурханеддин изучил многие науки, такие сложные науки, как сарх-нахв, логика и философия, и уже с раннего возраста начал преподавать. Все это помножило его славу, а в отсутствии отца юный Гази даже исполнял обязанности казия. Востоковед, отмечая, что Гази Бурханеддин был личностью всесторонне развитой, указывает и на то, что он овладел также характерными и важными для того времени занятиями, как стрельба из лука, езда на лошади и фехтование. В четырнадцать лет Бурханеддин вместе с отцом отправился в Египет, где он изучил такие науки, как физ-

(мусульманское право), хадисы (сказания о пророке), тефсиры (комментария к священной книге), астрономию, а также расширил знания в области медицины.

Основываясь на сведения Ибн-Хаджара, Гибб пишет, что в 789 (1387) году правитель очень могущественного в то время Египта направил на Гази Бурханеддина войско. Сражение войска Гази Бурханеддина с египетским было очень напряженным, но безрезультатным. В 799 (1396-97) году Гази был притеснен одним из туркменских племен, в результате чего он обратился за помощью к своему прежнему врагу – Мамлюкскому султану Египта. В 800 (1398) году во время кровавых сражений, которые вел Гази Бурханеддин с Аккоюнлу, он был убит предводителем Аккоюнлу Кара Юлюком Османом. Востоковед Гибб в своем исследовательском труде пишет, что османский историк Сададин в своих сообщениях, связанных с эпохой правления Баязида Йылдырыма, описывает конец Гази Бурханеддина несколько иначе.

Гибб пишет, что сведения о дате смерти Гази Бурханеддина различны. Согласно сведениям историка Моллы Идриса, Гази Бурханеддин был убит в 794 (1391-92) году, Шарафеддина Язди – в 798 (1395-1396) году, Ибн-Хаджара – в 799 (1391-1392). Британский востоковед добавляет также, что историк Сададин забыл про то, что сам он, основываясь на Ибн-Хаджара, отмечал, что Гази был убит в 800 (1398) году. Все же 855 (1451) год, который утверждается за дату смерти Гази историком Бадррадином Айни, а также Катибом Челеби, считается основным. Согласно упомянутому историку султан Баязид направил на правителя Сиваса сильное войско, Бурханеддин в страхе бежал и скрылся в Харпутских горах. Там он, доверившись судьбе, ждал окончания событий, в этот период давний враг Бурханеддина Кара Юлюк Осман бей, настигнув его в горах, убил его. Сын Бурханеддина Зейн-Аль-Абидин был послан сивасцами к мужу сестры, правителю Мараша Зуль-Кадри. В результате, Баязид, достигший со своим войском города, не встретил там никакого сопротивления.

Как было отмечено, причина конфликта между Бурханеддином и его тестем неизвестна. Основываясь на имеющиеся материалы, можно сказать, что трагедия не привлекла внимание современников, возможно потому, что она соответствовала не ограничивающемуся законами и несколько жестокому образу жизни того времени.

Однако ни один источник не отрицает эрудицию и отважность этого талантливого человека с глубокими познаниями в различных областях науки. Ибн-Хаджар, ссылаясь на Таш-Кёпрузаде, так описывает сопротивление, оказанное Бурханеддином сильному войску Мамлюков: «...Бурханеддин, сознавал невозможность приостановления натиска войск, все же присущая ему храбрость заставляла его продолжать сопротивление». Таш-Кёпрузаде, характеризуя поэта, писал, что смелость и храбрость были в крови Гази.

Гази Бурханеддин, писавший прекрасные стихи, как на тюркском, так и на арабском и персидском языках, был настолько отважным и гордым человеком, что не склонил голову перед врагами, не покорился ни правителю Египта, ни Осман бейу, ни Тамерлану.

Востоковед Ибн-Хаджар соглашается с мнением Таш-Кёпрузаде в том, что Гази Бурханеддин прекрасный мастер поэтического слова. Действительно, он особо указывает на важное место, которое занимает Гази среди поэтов высшего уровня. Таш-Кёпрузаде пишет: «Мевлана Бурханеддин был мастером поэзии». Это утверждали и другие ученые. Согласно Сададину, Гази Бурханеддин - мастер стиха. Вторых, его знания были равны его поэтическим способностям и отваге. «Айни также был высокого мнения о Гази, он отмечал присущий поэту равный талант в трех языках – арабском, тюркском и персидском. Однако Айни сожалеет, что сведения историков и литературоведов того времени о Гази исчерпываются этим».

По утверждениям Гибба, до 1890 года очень немногие произведения средневековых историков содержат сведения о Гази. Востоковед также отмечает, что в собрании восточных сочинений, собранных секретарем Британского Посольства по Востоку в Константинополе господином Фиоттом Хьюксом Томасом в Турции, содержались и ценные рукописи «Дивана» Гази Бурханеддина. Это редкостное произведение было написано в 798 (1395-1396) году, за два года до смерти автора. Согласно мнению Э. Гибба, эта книга Бурханеддина не предусматривалась для него самого. Красота и богатство тома свидетельствуют о том, что он предназначался для какого-то высокопоставленного лица. Каллиграф называет себя Ахмедом аль-Мекки ас-Султани. По заключению Гибба, книга предназначалась для библиотеки дворца. В начале каждой газели следуют эти слова на

арабском языке: «Султан слов, мудрый, справедливый, благодетельный, со свойствами Мустафы (одно из имен пророка Мухаммеда-а.), султан султанов, лучший из сотворенных из воды и земли, свидетельство истины и религии, веры (Бурханеддин значит доказательство религии –а.), получающий силы от могущества и помощи вечного, единого Аллаха, Ахмед бин Мухаммед – пусть Аллах сделает его султанством вечным, провозгласит его слово и свидетельство обоим мирам».

Как отмечает Гибб, Бурханеддин был одним из первых поэтов западно-тюркской лирической поэзии. Он отмечает, что дошедшие до нас рукописи историков еще раз подтверждают это. В самом деле, «Диван» Гази Бурханеддина – самый древний дошедший до нас памятник западно-тюркской лирической поэзии. Востоковед пишет, что «если от современника Гази-Ниязи сохранились лишь несколько полустихий, а «Диван» его утерян, то «Диван» Гази Бурханеддина имеется в наличии как самый древний памятник».

Гибб отмечает, что это произведение, состоит из двух частей, первую, относительно большую часть, составляют газели, вторую же – двадцать рубайат и многочисленные туоки. Элиас Гибб показывает, что две особенности отличают этот «Диван» от других:

1. Наблюдаемая во всех «Диванах», как правило, алфавитная последовательность здесь нарушена.

2. Поэт нигде не указывает своего имени. Это свидетельствует о том, что обычные для восточных поэтов «тахаллусы» (вымышленное имя, которым поэты заменяют свое подлинное имя) не использовались в то время.

Элиас Гибб показывает, что самая распространенная форма в поэзии Бурханеддина, в основном, персидская поэтическая форма. Тюркский или же слоговой (силлабический) стих используется им относительно редко. Этот метод показывает себя и в творчестве современников Бурханеддина – Ахмеди и Насими. Гибб объясняет это тем, что большая часть творчества названных поэтов приходится на период после завоеваний Амира Тимура. А это было временем полного изучения и освоения персидской системы. Газели Бурханеддина – это единственные образцы поэзии, которые впервые в начальный этап той эпохи соединили в себе две поэтические системы – персидскую и тюркскую, явились их гармоничным воплощением.

Что касается рубайатов Бурханеддина, то они являются первыми образцами рубай на тюркском языке.

Востоковед отмечает, что, душа и стиль поэзии Гази Бурханеддина, безусловно, носит персидский характер. Он считает, что это обусловлено тем, что Бурханеддин учился поэзии от знаменитых предшественников своего времени.

Гибб верно отмечает, что стихи Бурханеддина, который создавал западно-тюркскую лирику как в персидском, так и восточно-тюркском стиле одинаково мастерски, написаны тонким слогом и оригинальны. Тонкий вкус поэта проявляется и в отношении тем, которым он посвящает свои стихи.

Элиас Гибб, говоря о творчестве поэта, отмечает: «... для того, чтобы высказать категорическую мысль о литературной среде Бурханеддина, недостаточно времени отведенного мной на эту проблему, необходимо исследование его языка, а также глубокого изучения всей поэзии поэта. Однако очевидно, что его поэтический путь совершенно отличен от пути таких поэтов, как Велед и Ашиг». Гибб указывает, что если поэты времени Бурханеддина использовали поэзию как самый подходящий и целесообразный способ для выражения мыслей и суждений о человечестве и бытие, то для Бурханеддина поэзия, прежде всего, искусство. Поэзия для поэта было полем, дающим возможность для широкого проявления своего ума и мудрости. Гази Бурханеддин, который очевидно находился в противоположной позиции по отношению к творчеству своих предшественников, получал удовольствие от придания тонкости и разноцветья строкам. Именно в этом смысле, Элиас Гибб не ошибается, называя Гази «первым вестником будущего могущественного войска». Гази был первым тюркским поэтом, который выглядывал за временные пределы своей эпохи, чувствовал биение пульса поэзии завтрашнего дня и смог мастерски передать его современникам, а также и нам.

Не может быть сомнений в том, что Бурханеддин был чрезвычайно влюблен в поэзию, иначе поэт не смог бы найти свободного времени в своей богатой событиями и перипетиями сложной жизни и уделить его на создание поэзии, большому по объему творению, который он оставил в память о себе.

Согласно Гиббу, который высоко ценил поэзию Гази Бурханеддина, оригинальность творчества поэта заключается в том, что поэт проложил новое русло для тюркской поэзии.

До Гази Бурханеддина нам неизвестны поэты, творческое наследие которых было подобно собранию стихов Бурханеддина. Наличие какого-либо источника, носившего бы направляющий характер для поэзии поэта, представляется невозможным. Все созданное мастерами персидского мистического стиха были не в силах помочь поэту проложить новый путь. Поэт прекрасно понимал, что воплощение духа поэзии чужого народа не принесло бы никакого успеха человеку, который был неутомимым защитником с мечом в руке созданного им государства и который впервые в истории подарил миру поэзии новый язык, создал и оставил на этом языке прекрасное богатое наследие, и навечно вписал свое имя на страницы истории как поэт и полководец.

Элиас Гибб, сделавший переводы и ознакомивший западного читателя с творчеством

выдающегося поэта, писал: «В сделанных мной переводах... проявляются особенности, освещающие основные черты поэзии Гази Бурханеддина. ...даже под завесой перевода тотчас бросается в глаза большое отличие между его и предшествующими его времени стихами». Британский востоковед перевел на английский язык 6 газелей, 8 рубаи и 9 туюков из литературного наследия Гази Бурханеддина.

Литература

1 E.J.W.Gibb. Ottoman Poems. – London, 1882.

2 E.J.W.Gibb. A History of Ottoman Poetry, volume 1. – London, 1900.

3 E.J.W.Gibb. A History of Ottoman Poetry, volume 2. – London, 1902.

* * *

In this article the author investigates the life and creative work of Gazi Burhaneddin, a person of poetic and political high standing in the fourteenth century, and the literary and political environment in which he lived. He was erudite, mastering Arabic, and Farsi as well as his native language Turkish, and was able to create great works in all three languages. The details and poetic styles of his works are analysed. His innovations and contributions to Turkic poetry are outlined.